

— Братик...

Не успели они подойти к своей хижине, как улыбка сползла с лица Горшочка. Малыш испуганно сжал кулачки, вцепившись в край одежды Вэй Чэна.

У порога их ждали не только Цинь-ши и богач Сун. За их спинами возвышался угрюмый смуглый работник, а рядом стоял Ли Маодэ, староста деревни Маоси. Но больше всего внимания привлекал старик, стоявший в самом центре: тощий как щепка, с седыми волосами, собранными в высокий даосский узел. Он держал руки за спиной и всем своим видом излучал некую власть, заставлявшую окружающих смотреть на него с благоговейным трепетом.

— Не бойся, — глухо отозвался Вэй Чэн и, не замедляя шага, повёл младшего брата вперёд.

— Мастер, вот он! Это Вэй Чэн, сын моей жены от первого брака. А этот выродок рядом с ним — и есть тот самый злой дух! — завидев мальчиков, Сун Тянь тут же подобоострастно засуетился перед старцем.

Юноша полностью проигнорировал Цинь-ши и её свиту. Он вежливо поклонился Ли Маодэ:

— Здравствуйте, дядюшка-староста.

Затем он легонько подтолкнул прижавшегося к ноге малыша:

— Горшочек, поздоровайся.

Мальчик, хоть и дрожал от страха, послушно выдал тоненьким голоском:

— Здравствуйте, дядюшка...

Ли Маодэ тепло улыбнулся:

— Ну надо же, всего несколько дней не виделись, а Горшочек-то округлился, да и посмелее стал.

— Всё благодаря вашей помощи, если бы не тот рис... — Вэй Чэн бросил взгляд на свой короб с дровами и горько усмехнулся. — У нас бы просто не хватило сил дойти до города и продать хворост.

Староста вздохнул, собираясь что-то ответить, но тут Цинь-ши, которая с самого приезда

выглядела бледной и испуганной, вдруг взвизгнула:

— Мастер! Скорее, прошу вас, сделайте же что-нибудь с этим отродьем! Мой Баоэр из-за него места себе не находит, всё плачет и плачет, а теперь ещё и в лихорадке мечется!

— Этот безродный щенок — настоящий проклятый! — подхватил богач Сун. — Я разузнал: везде, где он появляется в Маоси, начинаются несчастья! Стоит ему переступить порог чьего-то дома, как удача отворачивается от хозяев. В тот день он притащился к нам вместе с Вэй Чэном, бесстыдно выпрашивая подачки. Соседи видели, как я, добрая душа, пригласил их в дом, накормил и напоил досыта... Но стоило мне сказать лишь слово, как этот маленький дьявол обиделся и напустил порчу на всю нашу семью!

И Сун Тянь принялся в красках расписывать те странности, что творились в их доме с тех пор, как братья ушли.

А дела в семье Сун и впрямь шли из рук вон плохо. Поначалу хозяин дома, которому надоели крики младенца, велел жене и старухе Ма унести Баоэра в спальню. Оказавшись в тишине, он почувствовал голод. Те напитки и закуски, что он пробовал в городском игорном доме, стоили баснословных денег — за скромный перекус он отдал почти двести монет! В деревне за такие средства работник пашет целый месяц. От подобной расточительности у богача всё внутри кипело, поэтому, вернувшись в поместье, он в дурном расположении духа велел работнику согреть ему кувшин вина и подать жареного арахиса. Он сидел, потягивая вино и напевая под нос, наслаждаясь покоем, но всё, что было дальше, напрочь стёрлось из его памяти.

Цинь-ши позже рассказывала в ужасе: то ли он перепил, то ли бес в него вселился, но Сун Тянь вдруг сорвал с себя одежду и с криками бросился в свинарник, желая там заночевать. Мало того что он весь перепачкался в навозе и подхватил жестокую простуду, так его ещё и не могли удержать — ни дюжий работник, ни уговоры жены. Когда Цинь-ши и старуха Ма попытались его образумить, он одарил каждую такой затрепачкой, что искры из глаз посыпались... Об этом позоре узнала вся округа, и богач, который больше всего на свете дорожил своим лицом, был готов сквозь землю провалиться — он стал посмешищем всей деревни Цзянхэ!

Но и это было не всё. С того самого дня Баоэр перестал спать. Стоило кому-то отойти от колыбели, как младенец заходился в таком жутком, утробном вое, словно видел перед собой нечто неопишимо страшное. Цинь-ши и старуха Ма день и ночь не выпускали его из рук, пытались унять плач. В итоге младенец-то был жив-здоров, а вот женщины за несколько дней превратились в тени самих себя и обе слегли от изнеможения.

Ни деревенский травник, ни заезжий лекарь не нашли у Баоэра никакой хвори. В конце концов соседи посоветовали обратиться к знахарю или гадалке. Но ни «лисицы», ни «змеи» не помогли — в доме всё так же не было покоя. Тогда глава клана Сун, не выдержав, пригласил этого седого старца.

Старик оказался человеком необычным. Едва коснувшись запястья младенца, он холодно

спросил хозяев, не брали ли они в дом чужую вещь, которая им не принадлежит.

Сун Тянь и Цинь-ши начали что-то мямлить, но старец не стал расспрашивать. Он лишь велел взять ту вещь и вести его к законному владельцу.

Даже сейчас богач не чувствовал за собой вины. Он лишь сокрушался:

— Ладно мы, взрослые, терпим, но за что страдает мой бедный Баоэр? Ему всего год, а он кричит ночи напролёт, и теперь ещё эта горячка...

Цинь-ши горестно всхлипывала, вытирая слёзы.

Старец же хранил молчание. Он неспешно поглаживал бороду, а его мутные, поблёкшие глаза внимательно разглядывали Горшочка.

Почувствовав, что малыш дрожит, Вэй Чэн шагнул вперёд, закрывая его собой. Он вызывающе усмехнулся:

— Хотите сказать, что прикарманить мой замок долголетия, который отец подарил мне перед смертью, — это «доброта», а когда я пришёл его забрать — это «выпрашивание подачек»? Или вы называете «радушным приёмом» те две плошки со свиным кормом, которыми хотели нас унижить? Если в вашем доме беда — так это из-за вашей подлости и дурной совести. При чём здесь дети?

— Ах ты! — Сун Тянь аж затрясся всем своим огромным пузом от ярости. Он замахнулся, но, помня о присутствии старосты Ли, обернулся к жене. — Посмотри на него! Вот какое отродье ты вырастила! Сама не бьёшь, так не мешай мне!

— Вэй Чэн, в тебе и впрямь заговорила вся скотская натура семейки Вэй! Твой родной брат при смерти, а ты защищаешь этого найденыша! — взвизгнула Цинь-ши.

— Брат? У меня в этом мире только один брат — Горшочек, — холодно отрезал юноша.

Женщина посмотрела на него с ненавистью:

— Твой отец был мужланом неотёсанным, и ты вырос таким же невеждой! И как только я могла родить такое чудовище!

— Каким бы ни был мой отец, пока он был жив, он ни разу не обидел тебя и не оставил голодной, — Вэй Чэн смотрел на мать ледяным взглядом. — Все в Маоси и в Цзянхэ знают: у меня есть мать, но я рос сиротой. Так что если я и невежда, то смеяться люди будут вовсе не надо мной!

— Ах ты, маленький мерзавец!

Лицо Цинь-ши побелело от ярости. Она замахнулась, чтобы вlepить сыну пощёчину, но старец вдруг выставил руку и легко оттолкнул её. Женщина покачнулась, едва устояв на ногах.

Старик прищурился, оглядывая супругов Сун, и негромко произнёс:

— Если вы хотите, чтобы ваш сын остался жив и невредим, перестаньте обижать этих детей.

Сун Тянь изменился в лице. Ему не верилось:

— Мастер, мой дядя по клану заплатил вам огромные деньги! Как вы можете защищать этих наглых щенков?!

— Где замок? — старец проигнорировал его возмущение.

Богач всё ещё не хотел отдавать вещь. Он покраснел от злости:

— Да нет никакого замка! Всё, что в моём доме, — моё! На нашу семью обрушились такие беды, деньги уходят как вода... Я даже не требую с этого неблагодарного волчонка возместить убытки! Я просто хочу избавить мир от этого маленького дьявола! Забить его палками или в реке утопить — мне всё равно!

— Только попробуй! — глаза Вэй Чэна налились кровью. Он загородил собой малыша, который сжался в комок от ужаса. — Тронь его хоть пальцем, и клянусь, пока я жив, я вырежу всю твою семью!

Супруги Сун невольно отшатнулись — таким лютым был взгляд восьмилетнего мальчика. Но, спохватившись, они подумали, что это всего лишь ребёнок.

— Сун Тянь, ты слишком много на себя берёшь! — раздался суровый голос Ли Маодэ. — Ты, видать, забыл, что я всё ещё староста деревни Маоси!

Он сделал шаг вперёд, преграждая путь:

— И Вэй Чэн, и этот малыш под моей защитой. Кто посмеет тронуть их без причины — будет иметь дело со мной. Этот ребёнок живёт в нашей деревне, значит, он наш. И если ты вздумал здесь разбойничать да угрожать убийством, то сначала спроси у сотни моих крепких мужиков — позволят ли они тебе такое!

Затем он повернулся к Вэй Чэну:

— Ты говоришь, они присвоили твой замок?

Мальчик крепко сжал кулаки и кивнул:

— Да.

Ли Маодэ на мгновение задумался:

— Тот самый? С узором в виде облаков, серебряным драконом и четырьмя колокольчиками?

Вэй Чэн вскинул голову:

— Вы видели его?!

— Помню, как же... — вздохнул староста. — Твой отец был человеком доброй души. Когда он праздновал твой первый год, почти вся деревня была у него на пиру. Он с такой гордостью носил тебя на руках и показывал гостям, а все спрашивали, где он заказал такую чудную и тонкую вещицу. Он тогда сказал, что сам придумал узор, а потом отдал кучу денег городскому мастеру, чтобы тот выковал замок.

У мальчика защипало в глазах, в горле встал ком. Он с трудом сглотнул горькую обиду:

— В тот день в доме Сунов я всего лишь хотел вернуть своё. Но Цинь-ши и богач Сун сделали вид, что ничего не знают. А потом я увидел этот замок на шее Баоэра. Я хотел его забрать, но они не отдали, а потом ещё велели служанке избить меня...

Цинь-ши отвела глаза и упрямо буркнула:

— Всё он враньё! Никакого замка у нас нет! Его, верно, давно украли родственники Вэй!

Ли Маодэ посмотрел на неё с глубокой печалью:

— Цинь-ши, пусть у тебя не сложилось с Вэй Даньеном, пусть ты в ссоре с его родней... Но Вэй Чэн — твой сын, плоть от плоти. Когда ты распродавала землю, я, зная твою горькую долю, помогал тебе как мог. Когда ты вышла замуж и бросила его здесь, я не стал преследовать твою родню. Но как у тебя сердце не дрогнуло? Как ты могла присвоить даже замок своего собственного сына?

Женщина замерла. Ей было то ли стыдно, то ли она просто не желала каяться, но она лишь отвернулась, пропустив слова старосты мимо ушей.

Ли Маодэ помолчал, а потом твёрдо произнёс:

— Раз заступиться за Вэй Чэна некому — заступлюсь я. Если вы не вернёте ему замок прямо сейчас, мы пойдём в управу. Посмотрим, что скажут господа чиновники, когда найдут эту вещь в вашем доме!

При упоминании управы Сун Тянь занервничал. Он-то думал, что они просто «изгонят духа». Он и замок-то взял с собой лишь для того, чтобы «отвести беду», а потом хотел либо продать, либо оставить сыну. Но ввязываться в тяжбу с Ли Маодэ, чьё упрямство было известно даже в соседних деревнях, ему совсем не хотелось...

Он выпятил грудь, хорохорясь:

— Идите хоть в управу! Род Сун в Цзянхэ тоже не лыком шит!

А сам подумал, что успеет спрятать вещь так, что никто не найдёт.

— Ах ты... — Ли Маодэ аж затрясся от негодования. Он понимал, что стража может и не найти замок, и просто хотел припугнуть наглеца, но не ожидал, что богач окажется настолько беспринципным.

В этот момент седой старец молча развернулся, собираясь уходить.

Цинь-ши в панике вцепилась в его одежду:

— Мастер! Вы не можете уйти! С моего Баоэра ещё не снято проклятие! Умоляю, помогите...

— Замок долголетия, нить продления жизни... Тело со слабой судьбой и скудным благословением не может вынести янской энергии знатного человека. Со временем это разрушает нутро и затмевает разум, а яд плода проникает в саму кровь, да еще и этот предмет из захоронения...

Старик покачал головой и тихо добавил:

— Через три дня готовьтесь к похоронам.

Похороны?!

Лицо Цинь-ши стало блее полотна. Она пошатнулась, едва не лишившись чувств, и зарыдала:

— Мастер, заклинаю вас, спасите моего сына!

Вэй Чэн не совсем понял слова старца, а вот Ли Маодэ слушал его с нарастающим изумлением.

Сун Тянь всё ещё пытался храбриться:

— Всё это чушь собачья!

Старик по-настоящему рассердился. Он резко взмахнул рукавом и зашагал прочь, но Цинь-ши рухнула перед ним на колени, мёртвой хваткой вцепившись в его одежду.

— Мастер! Мастер, я верну всё! Я отдам замок, только спасите Баоэра! Ему всего годик... Разве дети должны расплачиваться за грехи взрослых?..

Женщина знала: рождение Баоэра подорвало её здоровье, и она ещё долго не сможет иметь детей. Если младенец умрёт, Сун Тянь тут же возьмёт наложницу, и тогда ей точно не будет места в этом доме...

Супруг в ярости пнул её:

— Глупая баба! Что ты мелешь?!

— Жизнь Баоэра стоит дороже этой железки! — Цинь-ши, забыв о своей привычной кротости, сорвалась на крик.

Она вскочила, лихорадочно вытащила из рукава кошелек и дрожащими руками извлекла замок долголетия. С искажённым лицом она швырнула замок Вэй Чэну:

— Забирай! Подавись! Я выносила тебя и родила, я вырастила тебя! Неужели я не имела права оставить себе этот кусок серебра?! Вэй Чэн, за что ты так со мной?! Отныне ты мне не сын! Слышишь? У меня нет больше такого сына! Умрёшь ли ты с голоду, замёрзнешь ли или этот твой выродок тебя погубит — я и пальцем не шевельну! Даже хоронить тебя не стану!

Вэй Чэн опустил голову. Рука его дрогнула, когда он крепко сжал холодный металл, ещё хранивший тепло её тела.

«Я погубил тебя? Когда же я успел?»

Раньше он мечтал, как вырастет, заработает много денег и будет заботиться о матери... Но она, выйдя замуж, даже видеть его не хотела.

Он посмотрел на неё тяжёлым, воспалённым взглядом:

— Хорошо. Раз ты хочешь отречься — пусть будет так. Ни в будущем, если тебя бросят, ни если останешься совсем одна в немощи — я тоже не приду. И хоронить тебя не стану!

Супруги Сун бросились догонять уходящего старца.

У жалкой хижины остались только Вэй Чэн, Горшочек и староста Ли Маодэ.

Ли Маодэ осторожно положил руку на плечо мальчика:

— Не горюй, сынок. Ты всё сделал правильно. Если бы она помирала с голоду и эта вещь была её последним спасением, я бы, может, и осудил тебя. Но посмотри на неё: шелка, серебро, еда в достатке... Разве она нуждается? А ты, дитя, в такие годы уже познал столько горя. Даже мне, чужому человеку, больно на это смотреть, а она... Сердце у неё каменное. Забудь её, такая мать тебе не нужна.

— Я всё понял, дядюшка, — глухо ответил юноша.

Ли Маодэ ещё немного утешал его, а потом, попрощавшись, ушёл. У него и так было полно дел — третий сын женится, а он, услышав от соседей, что семья Сун пошла сводить счёты с Вэй Чэном, бросил всё и примчался на выручку...

Вэй Чэн отпер дверь и вместе с Горшочком вошёл в дом. Перед уходом они жарко протопили печь, так что внутри было ещё тепло.

Едва они переступили порог, как малыш обхватил ногу брата.

— Братик...

Мальчик поднял на него покрасневшие от слёз глаза и шмыгнул носом:

— Горшочек... не плохой... мальчик?

Вэй Чэн улыбнулся. Он поставил короб, подхватил малыша на руки и усадил на кан, помогая ему стащить обувь.

— Не слушай, что болтают злые люди. Если ты им поверишь и расстроишься, значит, они добились своего.

Он ласково погладил его по голове:

— У таких людей сердца чёрные. Они творят подлости, а признаться боятся, вот и сваливают

всё на добрых людей. Главное, чтобы мы с тобой жили хорошо. А что они там лают — пускай. Скоро они нам ещё и завидовать будут.

Горшочек усердно закивал:

— Горшочек... запомнил.

Вэй Чэн протянул замок долголетия малышу:

— Горшочек у меня самый лучший. Я хочу, чтобы ты рос здоровым и счастливым. Мой отец...
— он на мгновение запнулся. — Отец был бы рад узнать, что ты теперь со мной.

Он хотел было надеть красную нить с украшением на шею мальчика, но тот увернулся, замахав пухлыми ручонками:

— Помой сначала... От него... плохими людьми пахнет.

— И то верно, совсем из головы вылетело. Вот отмою его хорошенько, тогда и наденем.

Вэй Чэну и самому было неприятно думать, что эту вещь носил сын богача Суна.

Горшочек сладко зевнул, и его чёрные глазки затянуло сонной дымкой:

— Братик... Горшочек... спать хочет.

— Спи, маленький, — тихо проговорил Вэй Чэн.

Малыш за день прошёл немало, да ещё и тряска в телеге его утомила. Неудивительно, что силы покинули его.

Положив замок на край стола, Вэй Чэн укрыл Горшочка одеялом. Не прошло и пары минут, как послышалось мерное посапывание.

Убедившись, что младший брат спит, юноша принялся разбирать покупки. Хорошо, что дрова в коробе надёжно скрывали их содержимое, и никто из деревенских ничего не заметил. Вату, рулон грубого полотна и мягкий хлопок для Горшочка он аккуратно сложил в ногах кровати. Шить в городе было дорого, поэтому он решил заплатить матушке Доумяю. Во всей деревне не было никого, кто управлялся бы с иглой лучше неё.

Зубной порошок и щётки он поставил на видное место на подоконнике. А вот персиковый бальзам на окне мог замёрзнуть, на печке — растаять, да и баночка была фарфоровая, хрупкая.

Поискав глазами подходящее место, юноша понял, что ставить его некуда. Видимо, когда появятся лишние деньги, придётся заказать у плотника сундук или шкафчик. Пока же он осторожно пристроил баночку в углу у стены.

Оставшиеся пирожки он положил на плиту, а последний боярышник вынес на улицу и, встав на цыпочки, воткнул в заснеженную ветку дерева у стены — пусть охладится.

Когда со всеми делами было покончено, совсем стемнело. Пора было готовить ужин. У них ещё оставалось две небольшие миски грубой муки от семьи Ли, пара белых редек и один кочан капусты. Ни соли, ни масла, ни приправ у них не было. Редьку и капусту можно было либо сварить в каше, либо съесть сырыми. Но сегодня у них были пирожки...

Пирожки! Вэй Чэн вспомнил, что среди них были и мясные с капустой. Он разломил один, выскреб ароматную мясную начинку в котелок с тёплой водой, добавил несколько мелко порванных капустных листьев, предварительно вымыв их талым снегом. Сверху на крышку он положил ещё два пирожка, чтобы они прогрелись. Так, с помощью маленькой хитрости, у них получился настоящий наваристый суп.

Горшочек проснулся от дразнящего аромата. Потирая глаза, он сел на кане и увидел, что брат протягивает ему кусочек чего-то белого с зелёной кожицей.

— Попробуй-ка.

На щеке малыша остался красный след от подушки, а взгляд был ещё затуманен сном. Он послушно откусил кусочек. Сначала на языке была приятная свежесть и хруст, но мгновенно следом разлился едкий, горький вкус.

Горшочек, точно рассерженный котёнок, принялся отчаянно плевать и выставлять язык. Он с нескрываемым упрёком уставился на брата:

— Братик... за что ты... Горшочка... отравил?

Вэй Чэн поспешно убрал редьку и прыснул со смеху:

— Вовсе я тебя не травил! Это редька. Дядюшка-староста нам её принёс. Она такая сочная на вид, вот я и решил дать тебе кусочек.

Он сам отправил редьку в рот и, хоть она нещадно обожгла язык, мужественно прожевал её.

— Ох, и впрямь ядрёная! — выдохнул он.

Но не забыл протянуть Горшочку миску с тёплым бульоном. Малыш жадно выпил несколько

глотков, пока жжение не утихло, и тут же поднёс миску к губам брата.

Передавая друг другу по кусочку острой редьки, дети в два счёта прикончили полкотелка мясного бульона.

Доедая пирожок, Горшочек всё ещё с подозрением косился на злосчастный овощ на столе. Он сердито сложил ручки на груди:

— Братик... редька злая. Выбрось её!

— Выбрасывать еду нельзя, грех это, — улыбнулся Вэй Чэн. — Просто она очень острая. Вот купим соль да приправы, разварим её как следует — тогда и горечь уйдёт.

— А когда купим? — малыш обхватил ногу брата и с тревогой заглянул в глаза. — А она... больше не запрыгнет к Горшочку в рот?

— Не бойся, не запрыгнет.

Юноша погладил его по голове и вспомнил о важном:

— Мы сегодня много заработали, но и потратили немало. Давай-ка, пока темно, пересчитаем наши денежки.

Дети уселись на полу перед очагом, в котором весело потрескивали дрова. Вэй Чэн высыпал медяки — их звон наполнил комнату чудесной музыкой.

— За лягушек нам дали четыре ляна девятьсот монет. Да ещё лекарь добавил двадцать... Итого... — он нахмурился, загибая пальцы.

Горшочек протянул свои пухлые ладошки:

— Вот, бери пальчики Горшочка! — и выставил ногу. — И пяточки бери!

Он уже собрался стаскивать второй сапог, но Вэй Чэн со смехом остановил его:

— Не надо, не надо! Я и сам справлюсь. Значит, всего у нас четыре ляна девятьсот двадцать монет.

Мальчик принялся считать расходы:

— Телега туда-обратно — четыре монеты, да за крюк добавили — вышло шесть. Боярышник — пять, пирожки — двадцать два. Полотно — сто пятьдесят, хлопок — семьдесят. Щётки и бальзам — сто пятьдесят. За одежду лекарю — шесть... Вата — два лян двести сорок монет...

Он пересчитал оставшееся серебро: два целых слитка по лян и россыпь монет — двести семьдесят одна штука.

Вэй Чэн понимал, что на покупки ушла почти половина их богатства. А ведь ещё нужно заплатить матушке Доумяо за пошив: две куртки, две пары обуви, бельё для малыша, да нитки с иголками — выйдет не меньше двухсот монет. А им ещё нужны масло, соль, уксус, посуда... Муку и овощи тоже надо покупать.

Двух лянов и семидесяти одной монеты на всё точно не хватит. К тому же он хотел учиться счёту, а лекарь говорил, что нужны счёты, да и подарок в его дом принести не мешало бы... Расходы росли на глазах.

Значит, завтра снова в лес. Только вот за лягушками идти боязно — после той встречи с волком сердце до сих пор замирало от страха. Наверняка там остался их запах. Лучше пока обождать. Завтра он просто нарубит дров или попробует наловить зайцев на продажу.

Вэй Чэн отогнал тяжёлые мысли и обернулся к малышу:

— Горшочек, неси-ка своё сокровище.

Тот тут же сорвался с места и выудил из-под одеяла свой любимый глиняный горшочек. Он торжественно протянул его брату:

— На!

Вэй Чэн опустил два серебряных слитка в горшочек, но почему-то не услышал привычного звона. Заинтригованный, он поднес его к уху и легонько потряс — серебро тут же глухо звякнуло о стенки. Мальчик успокоился.

— Не тряси его, не тряси! — Горшочек с необычайно серьёзным видом замахал на него руками. — Он говорит, что он хороший горшочек. Он не прячет твои денежки!

Вэй Чэн лишь улыbnулся, принимая это за детскую игру:

— Да неужели? И что же ещё он тебе сказал?

— Он сказал... что ты ему нравишься.

Личико Горшочка в отсветах пламени казалось совсем белым и необычайно красивым. Он радостно добавил:

— Потому что от братика... очень вкусно пахнет серебром!

<http://bllate.org/book/15346/1372671>